

Т. И. Трошина

Какую армию следует кормить во время Гражданской войны? (отношение населения Архангельской губернии к белым и красным)*

На прозвучавший в кинофильме «Чапаев» вопрос: «Белые пришли грабят, красные пришли — опять грабят... Куда крестьянину деваться?» — ответ очевиден: бежать в леса, уходить в партизаны. Любая война, тем более когда боевые действия ведут полуформальные вооруженные части, заставляет население опасаться за свое имущество, за честь дочерей и жен, и даже за собственную жизнь.

Гражданская война, в силу того что она возникает только при условии крайне слабой центральной власти, имеет множество особенностей, например в зависимости от территории боевых действий. Остановимся на северных районах Европейской России, где была низкая плотность населения и враждующие армии вынуждены были использовать иные способы пополнения своих рядов, помимо мобилизации. Не было и тех механизмов, которые успешно использовала в других регионах Красная армия, призывавшая защищать завоевания революции, а именно земельный передел (поскольку земельный вопрос для по преимуществу промысловых северных уездов не имел особого значения). На пассивность жителей Архангельской губернии жаловались организаторы вооруженных сил обеих противоборствующих армий. Белые сокрушались, что местное население равнодушно к государственным интересам. Красные объясняли недостаток

Трошина Татьяна Игоревна
доктор исторических наук, профессор,
Северный
(Арктический)
федеральный
университет
им. М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

«классовой ненависти» отсутствием здесь крепостного права и зажиточностью местных крестьян и мещан.

Подробно политическую позицию северян в условиях отягощенной интервенцией Гражданской войны исследовала Л. Г. Новикова¹. Мы же остановимся на отношении невоющего населения к вооруженным формированиям обеих противостоящих друг другу армий.

Гражданская война сопровождалась вооруженными столкновениями повсеместно, в самых отдаленных уголках нашей огромной страны. Население приграничных территорий имело относительно недавнюю память о нашествии неприятеля. Большинство жителей обширной и малонаселенной Архангельской губернии, занимавшей всю северную примыкающую к арктическим морям территорию Европейской России, не видели даже своих, русских солдат, не говоря уже об иноземных завоевателях. Только несколько селений по западному побережью сохранили память о демонстративном военно-морском походе англичан и французов в годы Крымской войны.

Итак, опыта соприкосновения с вражеской армией у жителей Архангельской губернии не было. Но в условиях идеологической борьбы периода Революции и Гражданской войны о противниках распускались настолько ужасные слухи, что население было подготовлено к возможным неприятностям при приходе чужих. Например, уже осенью 1918 г. среди населения ходили слухи, что «красные — звери, сажают на колья стариков и малых детей, выкалывают глаза, вешают, женщин насилюют и вырезают груди, у солдат вырезают на спине ремни, и проч.»². К тому же значительная часть молодых мужчин прошла школу Первой мировой войны, и они тоже имели определенный опыт соприкосновения с неприятелем.

При появлении солдат население вывозило в леса имущество, девушек прятали на чердаках, а продовольствие закапывали в землю. Трудно сказать, было ли это проявлением сохранившегося подсознательного стремления уберечься от возможной опасности или реализацией рекомендаций властей (например, изложенный в советском декрете призыв прятать или уничтожать имущество, чтобы оно не досталось врагу). В условиях Гражданской войны эти меры не всегда помогали. О спрятанных запасах продовольствия доносили свои же соседи, если они осознавали себя «классовыми врагами». А вооруженные отряды при помощи проводников продвигались по тем же тайным тропкам, по которым вывозилось припрятанное крестьянами имущество, и солдаты нередко натыкались на него.

Собственно гражданская война (вернее, смута, война всех против всех) стала разворачиваться в северных губерниях уже весной 1917 г., и она выразилась не только в прекращении уплаты налогов и выполнения населением повинностей, но и в стремлении решить старые межобщинные проблемы силовыми методами, без обращения к ослабевшей власти.

До явного вооруженного противостояния летом 1918 г. в уездах, волостях и даже деревнях создавались отряды самообороны. Их целью была самоорганизация для выполнения полицейских функций: защита имущества от активно желающих передела односельчан, защита своих земель от недружественных соседей, которые располагали собственными отрядами. По призыву организатора белого

повстанческого движения М. Ракитина народ собирался кто с чем: «винтовки, дробовики, патронки, кремневки, а также и холодное оружие вплоть до топоров»³.

Давление на население происходило еще до полномасштабных военных действий вполне «по законам военного времени». Более-менее надежные части (прежде всего красногвардейцы) были задействованы в подавлении восстаний, вспыхнувших летом 1918 г. в различных частях губернии. Даже красногвардейские отряды, которые нередко состояли из пришлого элемента, наводили ужас на население. Красные отряды, которые приглашались местными совдепами для наведения порядка, как и карательные казачьи отряды до революции, содержались за счет местного бюджета. Денег у «советов» не было, поэтому средства на содержание красногвардейцев выбивали из так называемой буржуазии и «учетников».

Подавив восстания силой, отряды оказались в сложном положении: в Архангельске были уже белые, местное население относилось к ним как к карателям. Так, небольшой отряд под командованием Ларионова (25 направленных на Печору красногвардейцев) оказался «без руководства и без связи»: «Население к нам отнеслось недружелюбно. В г. Пинеге была еще советская власть, но нам не дали даже продовольствия; тогда мы решили взять силой», после чего местное население стало отлавливать красногвардейцев «как диких зверей» и сдавать белым властям⁴.

Отряд Павлина Виноградова, возвращавшийся после подавления мятежа в Шенкурском уезде, оказался более организованным: им удалось поставить заслон панически отступающим красным на Северной Двине и организовать здесь оборону. П. Виноградов вел с упорствующими крестьянами «душевный» разговор о предоставлении продовольствия и транспорта «в присутствии пушки и пулеметов», а также путем взятия в заложники наиболее уважаемых людей⁵. Такие методы не всегда приносили успех; так, в 1919 г. буквально растерзали молодого комбрига И. Кудрина, пытавшегося разговаривать с крестьянами, размахивая револьвером.

Организация на местах собственной народной вооруженной силы тоже требовала средств, но все же эти отряды состояли из своих. Когда в июне 1918 г. в связи с возможностью военной интервенции в Архангельской губернии началась мобилизация в Красную армию, отказ крестьян отдавать в нее своих сыновей нередко объяснялся тем, что у них уже есть красная гвардия, которая и должна защищать от возможного вторжения.

С расширением собственно боевых действий эти отряды использовались для обороны от армейских подразделений, по крайней мере для своевременного предупреждения односельчан, чтобы те угоняли скот, увозили в лес имущество и продукты питания, прятали женщин от возможного насилия. Впоследствии в зависимости от сложившихся обстоятельств эти вооруженные группы стали красными или белыми партизанскими отрядами⁶, которые были беспощадны в первую очередь к населению соседних поселений, но твердо стояли за интересы своих односельчан. «Зеленых» здесь не было — по причине экономической специфики региона, который почти не производил собственного продовольствия. Функция таких партизан заключалась и в том, чтобы официально числиться в красной или белой армии, получая полагающиеся жалование и паек.

Военное руководство отмечало высокую воинскую дисциплину и героизм местных солдат, в отличие от пришлых. Поэтому и мирилось с их партизанщиной, выражавшейся в том, что отряды категорически отказывались покидать родные места при любой смене дислокации. Причина состояла в том, что главной своей задачей мужчины видели защиту поселений от любых вооруженных людей, которые, как правило, были чужими, и от них можно было ожидать всякого. В прифронтовых волостях, где территории переходили из рук в руки, партизаны готовы были даже перейти на службу в другую армию, лишь бы не оставлять свою деревню, свое хозяйство, семью. У местного населения для таких воинов было придумано прозвище «валеты», «перевертыши» («красные пришли — он красный, белые — он белый»).

Понятно, что население поддерживало такие отряды, оказывало им всяческую помощь, в том числе осуществляло «разведку» (в прифронтовых районах женщины и дети ходили «по грибы, по ягоды» на чужую сторону и приносили нужную информацию). Вместе с тем явная опасность исходила от партизан недружественной волости, особенно эти отношения обострились после соседских разборок, происходивших в 1917–1918 гг. Поэтому при их наступлении убежало и мирное население, опасаясь, и не без основания, террора со стороны соседей. Попавших в плен к белым партизанам членов чужого исполкома «били прикладами и топорами по голове и рукам и еще живых спустили в прорубь»⁷.

В крупном селении или в одной волости могли organizоваться два отряда, которые подчинялись противоборствующим армиям. Если таким отрядам случалось столкнуться в бою, последствия зависели от личных отношений между их членами. Обычно своих не трогали, но были и другие случаи, описанные в воспоминаниях. Например, член отряда запрещал трогать своего попавшего в плен родственника, заявляя, что будет бить его только сам, а потом пристрелит; действительно ли он выполнил угрозу, или это был способ спасти сородича от расправы — таких сведений в источниках не содержится.

После боя с белым партизанским отрядом «сын привел отца, зять тестя. Решили их проучить» — инициировали расстрел: «Одного выводили, остальным говорили, что его расстреляли, и с вами то же будет. Те перетрусили...»⁸ (Возможно, подобные поступки были связаны с желанием перетянуть на свою сторону «заблуждавшихся» родственников, заставить их признать свою правоту.)

Немало свидетельств, относящихся к различным периодам Гражданской войны, когда и белые и красные, спасая своих земляков, шли на должностные преступления — помогали бежать, даже из-под расстрела. Местные добровольческие соединения поэтому не могли быть у командования в полном доверии.

Как уже было отмечено, в отличие от большинства территорий, где разворачивались события Гражданской войны, Архангельская губерния была слабозаселенной и не обладала мобилизационными ресурсами для обеих противоборствующих сторон, которые развернули здесь свои боевые действия. Что касается довольно значительных военных формирований, размещавшихся здесь в годы Первой мировой войны, то они успели демобилизоваться или были в значительной степени разложены.

Действительно, Первая мировая привела к милитаризации Европейского севера России: в Архангельске был воссоздан военный порт, усилен сухопутный

гарнизон; в незамерзающих гаванях Мурманского побережья были построены военно-морские базы, создана флотилия Северного Ледовитого океана. Вдоль железнодорожных и речных путей появились пункты военного контроля и охраны. К дорожному и портовому строительству, к грузовым портовым работам были привлечены ополченческие дружины и рабочие батальоны. Физически тяжелая, но все же не опасная для жизни тыловая служба привлекла на Север тех, кто не желал идти на фронт. Не только среди офицеров, но и среди солдат оказалось немало таких, кто воспользовался связями, чтобы получить направление в тыловые части. Эти люди с особым нетерпением ждали окончания войны, чтобы вернуться к привычным занятиям, уехать с непривлекательного в климатическом отношении Севера. Разложение в тыловых частях намечалось уже накануне революции. Начальник Архангельского гарнизона указывал, что «самовольные отлучки нижних чинов из казарм обычное явление», а «часовые несут службу... по своему усмотрению»⁹.

Революция 1917 г., казалось бы, приблизила надежды на скорейшее окончание войны. Разложение военнослужащих северных гарнизонов, прежде всего сухопутных частей, усилилось. Источники сообщают о хулиганских выходках солдат, которые перестали бояться любых дисциплинарных взысканий. Нижние чины, которым прежде запрещено было являться в общественные места, наверстывали упущенное. Кроме «невинных шалостей» (из-за которых, например, горожанки стали бояться выходить на прогулку в парки и скверы), все чаще происходили случаи открытых грабежей. Весной 1917 г. «злоумышленники, прикрываясь солдатской шинелью, проникают в квартиры граждан и предъявляют различные требования»¹⁰; солдаты «позволяют себе производить у торговцев самовольные обыски, грозят разгромом и т. д.». «Приобретенные» таким образом товары (молоко, яйца, зелень) солдаты перепродавали населению. «При продаже табаку солдаты нарушают порядок, назначая для себя какие-то особые очереди, и закупив табак или папиросы, перепродают их с надбавкой 200 и более процентов»¹¹.

Офицерам, привыкшим к армейской дисциплине, трудно было смириться с тем, что эта разнузданная толпа и есть их солдаты. Активных участников разрушительных действий революционной эпохи начальник Мурманского укрепрайона контр-адмирал К. Ф. Кетлинский называл «этими людьми в солдатской форме»¹².

Что касается воинской дисциплины, то дольше всех ее придерживались флотские части. Матросы тральщиков и кораблей, «плававших в тяжелых условиях Арктики... хорошо знали своих офицеров, разделявших с ними все невзгоды, и ценили командиров, опыт которых помогал преодолевать разбушевавшуюся стихию». Однако постепенно «волна разложения докатилась до севера... На кораблях и в береговых командах дисциплина стала падать и участились случаи отказа выполнять боевые приказания. Инциденты между офицерами и командами происходили все чаще»¹³.

Во второй половине 1917 г. ситуация усугубилась. В Архангельске «участились случаи ограбления граждан людьми в военной форме с мандатами якобы на проведение обысков»¹⁴. В начале 1918 г. «в городе сильно чувствовался бандитский разгул и разнузданность»¹⁵. Дерзкие нападения совершались людьми в матросской форме; не ясно, были ли это военморы или авантюристы, выдававшие себя за них, но подобные случаи создавали даже верным революционному порядку частям

недобрую славу. Население стало панически бояться людей в солдатской и, особенно, в матросской форме. Архангельский ревком в конце 1917 г. констатировал «упадок революционной дисциплины среди товарищей матросов»¹⁶. Так, получив по своему требованию офицерское личное оружие — револьверы, «революционные матросы» быстро от них избавились (видимо, продали) и начали требовать раздать им новую партию, реквизировав 6 тыс. револьверов (закупленных французском правительством для румынской армии и хранящихся в Архангельском порту в связи с невозможностью транспортировки)¹⁷.

Как указывалось в приказе по гарнизону, «поступки, часто мародерского и преступного характера, солдат, призванных защищать Отечество и всячески поддерживать порядок внутри страны, вызывают справедливое нареkanie со стороны населения»¹⁸. Терроризируемое солдатами, оно выступало за ротацию воинских частей.

В частности, крестьяне окрестных деревень считали, что на тыловых работах в Архангельске должны быть местные солдаты, которых следует вернуть с фронта. Избавиться от деморализованных нижних чинов не прочь были и военные власти, видевшие, что начавшуюся стихийную демобилизацию уже не остановить и будет лучше, если придать ей организованные формы. С требованиями перевести их ближе к родным местам для дальнейшего прохождения тыловой службы выступали солдаты местных гарнизонов.

Солдаты расформированных явочным порядком частей растаскивали с собой в качестве своеобразных трофеев все, включая дрова (эти трофеи были привлекательны, например, для ополченцев 14-й дружины, сформированной преимущественно из местных военнообязанных льготников). Приезжие солдаты требовали выдачи им «на дорогу» дополнительного обмундирования, спиртных напитков и пр.¹⁹ Солдаты, занимавшиеся охраной порта, «самовольно взяли имущество (полушубки, валенки, папахи, сапоги и т. д.), каковые и разделили между собой по билетикам»²⁰. Что нельзя было захватить с собой, оставляли, не заботясь о судьбе военного имущества. Расквартированный в вологодском населенном пункте кавалерийский полк самовольно распустился, оставив лошадей²¹. Разумеется, лошади были разобраны местным населением; но немало было движимого и недвижимого имущества, которое пропадало или применялось впоследствии для ведения военных действий.

Заключенное Советским правительством с Германией перемирие актуализировало вопрос скорейшей и массовой демобилизации, осуществление которой и в более стабильные времена сопряжено с немалыми сложностями. В условиях разваливающейся государственной машины демобилизация происходила беспорядочно. Солдаты предъявляли различные, иногда невыполнимые требования к чиновникам; требовали транспорт, нарушая расписание. Возвращение своих фронтовиков не обрадовало и их односельчан.

Первыми стали возвращаться с фронта отпускники — те, кто вытребовал себе такое право, ссылаясь на долгий срок нахождения в окопах. Нередко это были хулиганствующие элементы, которые безобразничали, терроризировали население. Отказывались возвращаться в свои части, становясь фактически дезертирами, требуя отправки в армию вместо себя так называемых учетников

(оставленных в тылу специалистов), что могло нарушить нормальную систему жизнеобеспечения губернии.

Возвращающиеся домой фронтовики — не только дезертиры или отпускники-невозвращенцы, но и те, кто честно служил, — в 1917 г. приобрели негативный опыт грабежей под видом разнообразных реквизиций частного имущества, что объяснялось, кроме прочего, прекращением нормального обеспечения армейских частей. В таких обстоятельствах командиры при поддержке солдатских комитетов решались на насильственное изъятие необходимого у местного населения. Революция придавала определенную легитимность подобного самообеспечения в помещичьих поместьях и на складах «капиталистов»; подогреваемые разговорами о справедливости, солдаты прибирали к рукам не только необходимое, но и предметы роскоши.

Полученный опыт солдаты применяли, осуществляя «справедливое перераспределение» и в своих родных деревнях; именно на осень и зиму 1917/18 г. пришлось своего рода местная гражданская война, нередко сопровождавшаяся рейдами в соседние «зажиточные» волости под лозунгом «Мир хижинам, война дворцам!»

Как бы то ни было, но к началу Гражданской войны прежних воинских частей в Архангельской губернии уже не было. Спешно создаваемые в связи с опасностью военной интервенции армия и флот формировались на добровольных началах. В результате в 1918 г. в Архангельске оказалось несколько вооруженных и фактически никому не подчинявшихся «лагерей». Это была рабочая красная гвардия (на каждом заводе создавались подобные отряды для охраны предприятий; при необходимости и за приличное вознаграждение эти отряды приглашали уездные и волостные советы для наведения там порядка; крестьянские отряды самообороны нередко возникали в ответ на действие именно красногвардейцев).

Вторым лагерем были военные моряки, набранные в основном из балтийцев; остававшиеся в городе моряки «на... балтийцев смотрели не очень дружелюбно — что, приехали наводить порядок, как в Кронштадте?»²². И верно, военморы оказались наиболее агрессивной частью архангельского гарнизона: на своих собраниях они принимали решение о закрытии оппозиционных большевикам газет, аресте офицеров; производили разгон органов самоуправления, подавление различных бунтов и демонстраций. Управы на них никакой не было. «Дисциплина отсутствовала, командный состав... авторитетом не пользовался. Офицеры старались подлаживаться под команду»²³. Обеспечение военмором, и денежное, и продовольственное, в голодающем городе было очень приличное: на ледоколе «Святогор» «продовольствия было на год... но в город выносить не разрешали, чтобы местное население не возмущалось»²⁴. Впрочем, как будет показано ниже, при реальной опасности такие добровольцы оказались не на высоте.

Третий лагерь — формирующаяся Красная армия, в том числе направленные из центра страны воинские подразделения. Некоторые отряды жили автономно, подчиняясь только своим командирам и совершая вооруженные нападения на местных жителей и на вооруженных представителей других лагерей. Таким был, например, конно-горский отряд, набранный из бывших солдат «Дикой дивизии», во главе с командиром Берсом.

Наконец, были автономные отряды вооруженной охраны из бывших офицеров, которые взяли на себя ответственность за находящиеся в портовых районах города склады с вооружением и боеприпасами²⁵.

Между всеми этими лагерями нередко возникали потасовки, переходящие в боевые столкновения с применением не только стрелкового оружия, но и броневиков и пулеметов. Призванные осуществлять контроль за порядком, в действительности эти военнослужащие были источником всяческих беспорядков, в результате которых страдало имущество горожан, при перестрелках были случайные жертвы среди женщин и детей.

К находящимся в Архангельске и пригородах вооруженным, имеющим боевой опыт людям следует добавить более тысячи офицеров, завербованных для «борьбы с большевиками», и тех, кому удалось бежать на Север после ликвидации мятежа в Ярославле. Под видом рабочих, в которых нуждался Архангельский порт весной 1918 г., они ехали сюда не только по железной дороге, где происходил жесткий контроль и в случае выявления офицеров случались их расстрелы без суда и следствия. Добирались и пешком или на лодках, от деревни к деревне, укрываясь от местного населения, которое могло бы их выдать советской власти. Летом 1918 г. по приказу комиссара М. С. Кедрова арестовали более 900 таких офицеров, не разбирая, действительно ли они приехали сюда в поисках работы или были завербованы антибольшевистским подпольем; их содержали в солдатских казармах — своеобразном концентрационном лагере. Разумеется, во время переворота они стали активными его участниками.

«Условно красные» во время переворота тоже нередко оказывались на другой стороне. Советское правительство под угрозой военной интервенции применило ряд мер по усилению обороны северных морских границ, с этой целью в Архангельск были направлены отряды, сформированные из добровольцев; как правило, мотивацией были достаточно высокое жалование и хорошее продовольственное обеспечение. Меркантильный характер таких добровольцев проявился во время восстания в Архангельске 30 июля — 2 августа 1918 г. Узнав, что губисполком спешно эвакуируется по Северной Двине в сторону Котласа, военморы бросились вдогонку на речных пароходах, бросив свои боевые корабли, с требованием заплатить им жалование и неустойку в связи с прекращением контракта. Перепуганные исполкомовцы отдали морякам губернскую казну, после чего те успокоились и разошлись по своим домам. (Кому удалось пережить Гражданскую войну, а также не спустить полученные награды, состоявшие не только из бумажных денег, но и из драгоценных металлов, впоследствии смогли на эти средства стать нэпманами.)

Конно-горский отряд ротмистра Берса, явившийся в Архангельск как защитник советской власти, но поддержавший белый переворот, захватил в штабе Красной армии ящик с деньгами, присланными из Петрограда на организацию обороны города. Деньги командир разделил между своими конниками как награду за «оказанные при перевороте услуги». На следствии он показал, что деньги им обещали французы и англичане еще на стадии формирования отряда в Петрограде, когда один из командиров, полковник Мелиа, якобы заявил, что «бить большевиков он всегда готов, а за деньги, так с большим удовольствием». Впрочем, таких «идейных»

в отряде было немного; остальные перестали колебаться, кого поддерживать, только после обещания наградить деньгами²⁶.

Новое правительство пыталось навести порядок с оставшимися им в наследство воинскими формированиями; Берс и другие офицеры за самоуправство и отказ вернуть деньги были лишены офицерских чинов, наград, дворянского достоинства, приговорены к различным срокам заключения. Но в условиях гражданской войны такие авантюристы были особенно нужны, и им было разрешено ходатайствовать о помиловании с обещанием искупить вину службой на фронте.

В ситуации той неразберихи даже Белая армия была наполнена людьми с сомнительной биографией. Так, во время следствия были поставлены под сомнение офицерский чин Берса и три из пяти его боевых наград, поскольку производство в ротмистры и награды были известны только с его слов. Белый партизан А. Скрипов был сотрудником советского учреждения, арестованным ЧК за растрату. Перебежав к белым, он выдал себя за поручика, что позволило ему занимать соответствующие должности²⁷. И таких примеров достаточно много.

В Красной армии, напротив, приветствовались именно выдвиненцы. Им доверяли больше, чем кадровым офицерам. Собственно кадровых было мало; в основном это были офицеры военного времени из среды местного населения, которые по мобилизации идти не хотели, и их буквально вылавливали по лесам, где они прятались как от красной, так и от белой мобилизации.

Впрочем, командиры Гражданской войны отличались от военных офицеров. По свидетельству одного из таких краскомов, офицером он стал в 1917 г., когда однополчане выбрали его командиром полка, а офицеры посоветовались и «решили ему подчиняться, так как “в настоящий момент командиру стратегия не нужна, а нужен авторитет среди масс, твердость и знание политики”»²⁸.

Красноармейцы трепетно относились к своему праву избирать командиров, а неугодных «шлепнуть». Перебежчики от белых рассказывали, что «насчет шамовки не обижались, но дисциплина палочная». Красноармейцам «про свою дисциплину не приходится обижаться», и это мирило их с плохим обеспечением²⁹.

Подготовленные на курсах красных командиров жаловались главному Троцкому, что «должностей им в частях не дают, — “пока не понравится людям”, а красноармейцы заявляют, что им краскомов не надо, будут назначать своих»³⁰. Показательна история командующего Вельско-Шенкурским участком фронта Аховым. Вконец разложившийся красный отряд ушел с позиций в деревню «праздновать Спаса». Красноармейцы перепились, и когда (возможно, с той же целью) туда же явилась белая разведка, «боясь окружения, бросили пулемет и побежали в сторону Вельска». Ахов велел вернуться и отбить пулемет, на что «отрядники ответили — забирай сам! — и сильно избили его», после чего командира отозвали, как не сумевшего заслужить доверие красноармейцев³¹.

Если таких красноармейцев боялись собственные командиры, вплоть до вышестоящих, что уж говорить о местном населении. В своих воспоминаниях красноармеец пишет: «Отдельными нашими отрядами производились большие безобразия... были бесчинства, доходившие до грабежа»³², в результате терроризованное население «оказывало всякую поддержку белым», которые и прогнали красные отряды.

По рассказу сельской учительницы, занявшие их деревню красноармейцы первым делом отправились в «потребилровку», откуда «несли... совершенно ненужные им вещи»³³. Отступившие из Шенкурска красноармейцы, «прибыв в г. Вельск, немедленно пошли по огородам за овощами», по ночам «посещали» горожан «за чаем» и другими нужными им вещами. Из заявления членов вельского уездного совета следует, что «население города введено поступками красноармейцев в большую панику и ночью оставляло свои квартиры и с подушками и постелями бежали в лес». Даже представители советской власти не чувствовали себя в безопасности: они «были остановлены пьяными красноармейцами, каковые с вынутыми из кобур пистолетами грубо оскорбили [их] словами». Особенно возмутило советских работников поведение шедших с ними «командированных представителей штаба... имеющих неограниченные полномочия», которые безучастно наблюдали за происходившим³⁴.

Красные отряды для Северного фронта собирались первое время по добровольному найму и, путем «самообеспечения» получив все необходимое у торговцев в центре формирования (в основном это был Петроград), направлялись по железной дороге к месту назначения. Впоследствии они направляли своих представителей в промышленно-торговые центры собирать у «буржуев» «подарки» для красноармейцев.

Такие «железные» и прочие красные отряды не отличались особой дисциплинированностью: случались самовольные уходы с позиций, необоснованные отступления — и даже наступления, если командир под давлением своих солдат в нарушение приказа стремился первым взять населенный пункт в надежде на трофеи. Наиболее показательным в этом отношении был отряд красных конников под командованием Х.-М. У. Дзарахохова (которого называли просто по имени — Хаджи-Мурат). «Для трофеев у него было правило — что добыли, то и наше. Но увозить с собой не давал; пользовались на месте; поэтому при захвате трофеев долго не наступали, даже нарушая приказы». Взяв Красноборск, отряд не хотел идти далее, сославшись, что «лошади заморены». На самом деле — «потому что здесь были порядочные трофеи... [Так и ждали, пока] пользовались трофеями»³⁵.

В тех частях, где командиры были менее расторопны, присутствовало недовольство: «Говорили — у Хаджи-Мурата всего вдоволь, а у нас ничего нет!» Из-за плохого снабжения частей командование не могло противостоять таким настроениям. Кстати, к концу Гражданской войны командиры не только не сдерживали своих солдат, но сами активно занимались самообеспечением. Наступающими частями устраивалась «сплошная вакханалия... Вещевые и артсклады громятся в целях самоснабжения, которое производится бессистемно и вызывает нарекание частей, следующих в хвосте». По сообщению представителя штаба, «комсостав распущен, бездеятелен и молчаливо поощряет бандитизм», нередко подавая красноармейцам «пример самоснабжения»³⁶.

Части Шестой армии впоследствии стали формироваться за счет мобилизации местного населения и направляемых сюда подразделений, собранных из дезертиров других фронтов. Последние не отличались героизмом («поругивали советскую власть, особенно на почве недоедания»³⁷), первое время пытались перебежать к неприятелю («отправляясь в разведку, брали с собой вещмешки,

чтобы при случае перейти к белым»³⁸). Но из страха попасть в плен к жестоким белым партизанам вскоре стали более дисциплинированными, чем местные — и мобилизованные, и добровольцы.

Добровольцы (в основном такой статус был у партизан — членов отрядов самообороны), как уже говорилось, героически сражались только на своей земле, а при любом передвижении убегали из частей. Были даже случаи вооруженного сопротивления приказам командования³⁹.

Мобилизованные воевать не хотели; были случаи открытого саботажа. По свидетельству красного командира, сопровождавшего на позиции мобилизованных Вологодской губернии, контингент этот был «шаткий, ненадежный, просят выдать валенки, сигареты [и выдвигают другие невыполнимые требования]. Моя рота окружила батальон, под угрозой винтовки заставила идти»⁴⁰. Иногда брожения принимали организованную форму: так, идущая к фронту рота сбивала стеклянные изоляторы телеграфной линии, нарушив связь, чтобы не было возможности сообщить об их бунте. Командир не растерялся, объявил, будто бы их возвращают в тыл. Сам привел роту в село, где размещался отряд китайцев, который и помог ее разоружить⁴¹.

Белые фронты были разорваны, поэтому направлять мобилизованных из густо заселенных территорий на Архангельский фронт возможности не представлялось. Рядовой состав белой армии в основном состоял из местных — мобилизованных и добровольцев отрядов самообороны, которые либо оказались в глубоком тылу белой армии, поэтому начали с ней сотрудничать, либо были жителями поселений, особо страдавших от самообеспечения и различных видов «культурной политики» красноармейцев.

Мобилизованные в основном были малонадежными; легко подвергались большевистской агитации, а также различным формам личной пропаганды, когда, общаясь во время отпуска с красными земляками, приходили к выводу, что «личное достоинство» (выраженное, в частности, в выборности командиров, в «товарищеских» отношениях между рядовыми и командирами) важнее хорошего продовольственного снабжения, которым отличалась белая армия.

Офицеры, кроме тех, кто принимал участие в перевороте (из переживших 1917 г. — «кого спасла судьба и случайность от рук насильников и негодяев»⁴²), и тех немногих местных, которых удалось мобилизовать, выловив по лесам, состояли из завербованных, оказавшихся различными путями в нейтральных или союзнических странах. Это были бежавшие из плена либо находившиеся на излечении в специальных лагерях в невоюющих странах. Оторванные от событий 1917 г. в тылу и на фронте, они пребывали в немалом удивлении от происшедшего. Офицер пишет товарищу: «На днях в нашем пресловутом единственном полку опять были беспорядки. Отказалась очередная рота идти на фронт. Вызвали союзные войска — короткая взаимная перестрелка — десятиминутный ультиматум — выдача 13-ти защитников-агитаторов и их немедленный расстрел полком же... Мера быстрая и крутая, но это... не возрождающаяся новая армия, и ее здесь не будет еще долго»⁴³.

С точки зрения приезжих офицеров, лучше бы пополнять части из тех рядовых, кто не подвергался разрушительному влиянию революционной анархии. Вот

впечатление от прибывшей роты, состоящей из бывших военнопленных: «Ах, какие молодцы! О, если бы можно было каким-то способом переправить всех бежавших сюда. Выветрился бы весь большевизм или вернее глупость, а из них мы создали бы великолепнейший батальон!»⁴⁴

Однако в условиях Архангельской губернии хорошо могли воевать только местные уроженцы. Собственно фронта здесь не было. Относительно регулярные боевые действия происходили вдоль железнодорожного полотна. Остальная территория представляла собой бездорожье, по которому могли пройти лишь небольшие отряды «охотников», совершающих рейды в тыл неприятеля. При таком ведении боевых действий даже хорошо обеспеченные белые части нередко вынуждены были заниматься изъятием необходимого у крестьян.

Красные же не всегда могли получить обеспечение из хлебных тыловых губерний, потому что местные власти по пути следования продовольственных грузов производили их реквизиции, стремясь тем самым предотвратить у себя голодные бунты. Нередко отступление красных частей было вызвано отсутствием обеспечения, и они уходили, оставляя белым опустошенные селения с голодающим населением.

Обе армии нуждались в транспортных средствах, поэтому для населения наиболее тяжелой была подводная повинность. На телегах и санях доставлялись боеприпасы и вооружение, вывозились раненые; крестьянский транспорт нанимался также для различных разъездов. Никакие деньги не могли компенсировать крестьянам заезженных лошадей. Их особенно возмущало нецелевое использование транспортных средств. Не зная войн, они не привыкли и к поведению военных, которое становится особенно «шальным» во время войны гражданской. Комиссар Шестой армии Н. Кузьмин говорил о «временных женах», для которых красноармейцы забирали крестьянские брички, «а иногда запускают руки в крестьянские сундуки, чтобы подарить платок или платье», и требовал «из всех батальонных, полковых, бригадных обозов изъять женщин, разъезжающих, гоняющих лошадей и в момент неудачи наводящих панику»⁴⁵.

Белая армия на контролируемой территории поддерживала относительный порядок. Выдавались продовольственные пособия, предоставлялся посевной материал. Такая политика, кстати, позволяла проводить более-менее организованную мобилизацию: в случае ее срыва грозили прекратить продовольственную помощь⁴⁶.

При отступлении белых к норвежской границе в феврале 1920 г. крестьяне не давали подводы даже за деньги. Опасались ли, что красные будут наказывать за оказание помощи, или пытались таким образом остановить отступление, заставив белых защищать их земли, — сказать сложно.

Иногда крестьяне с помощью оружия пытались задержать отступающих. Власть в Архангельске была уже в руках красных, оттуда в волости поступили распоряжения «о разоружении белогвардейских банд». Штабной офицер А. Н. Грязнов свидетельствовал: «...председатель сумского исполкома сказал, что он нас разоружать не хочет, и чтобы мы шли дальше»⁴⁷.

Значительная часть белых офицеров вынуждена была сдаться красным под гарантии сохранения жизни и свободы. В условиях капитуляции особо отмечалось,

что «красноармейцы протягивают свою братскую руку солдатам бывшей белой северной армии и надеются на их помощь и совместную борьбу против контрреволюции и разрухи»⁴⁸ — это касалось не только рядовых, но и офицеров.

Однако после сдачи судьба многих оказалась трагичной. Красные командиры не всегда могли справиться с солдатской стихией, даже если это были бывшие белоармейцы. По воспоминаниям авиационного механика, после сдачи красным они одного летчика («хорошего парня, всегда внимательного к нам, механикам») отпустили, а других расстреляли⁴⁹.

В нарушение обещания сдавшихся офицеров арестовывали. Некоторых по решению солдатских собраний отправляли по домам, даже выплатив жалование. Другие отправлялись в Архангельск в сопровождении конвоя, и не все доставлялись до места⁵⁰. Были ли они расстреляны по дороге самими солдатами, или их также отпустили — неизвестно; никто особо эти вопросы не выяснял. Известно, что во избежание и того и другого представители красного командования рекомендовали в качестве конвоиров арестованных офицеров назначать не их бывших подчиненных, не их земляков и желательно не уроженцев тех местностей, через которые будет проходить этапирование, — чтобы у красноармейца не было искушения остаться дома, предварительно отпустив (или пристрелив) арестованного.

* * *

Итак, на Северном фронте находились разнообразные по составу вооруженные силы. Всего в губернии было примерно 60–70 тыс. вооруженных людей, что составляло до 20% населения. Лишь малая их часть была из местных, своих для населения; остальные — из чужих, а потому опасных.

Для местных солдат свои, земляки — будь это мирное население или даже солдаты вражеской армии — были ближе однополчан. Если вопросами обеспечения в Красной армии занимался местный уроженец, то нередко он за счет армейского довольствия «подкармливал окрестных крестьян»⁵¹. Немало было случаев, когда солдаты отпускали пленного земляка, иногда даже из-под расстрела. Чужие же вели себя нередко как на оккупированной территории.

Местное население было слишком немногочисленным и бедным, чтобы обеспечить солдат продовольствием и одеждой. Учитывая климатические условия, теплую одежду и обувь реквизировали и красные, и белые. В сильные морозы солдаты, обутые в валенки, закутанные в бабьи платки, выглядели нелепо, но выхода не было.

Между противоборствующими сторонами, заинтересованными в поддержке населения, были на его счет определенные договоренности. Разведки обеих армий оставляли записки в условленном месте; это было возможным, поскольку разведчики были из местных, знающие и окрестности, и друг друга. Деревни на Севере малолюдные, разбросаны на небольшом расстоянии вокруг центрального села, где стояла церковь, находились школа, фельдшерский участок и другие учреждения, а в условиях гражданской войны в соседних деревушках могли стоять части враждующих армий. Поэтому договаривались, например, прекращать стрельбу,

когда ребяташки бежали в школу и из школы, когда крестьяне шли в церковь, особенно если происходила свадьба или похороны.

Договаривались не трогать имущество крестьян нейтральной полосы. Одни деревни кормили красных, другие — белых, а те поселения, которые могли в любое время перейти в другие руки, не трогали, это считалось грабежом. По рассказу красноармейца, у них «скверно обстояло дело с фуражом, и вздумали у мужиков в нейтральной деревне сено воровать; подвод 20 нагрузим и уедем». Белый командир выразил по этому поводу возмущение; переписка перешла в ругань и взаимные оскорбления. Этот инцидент привел к жестокости по отношению к пленным в последующих боях⁵².

Население страдало не только от солдатского самообеспечения, но и от боевых действий. Наступавшие готовы были брать населенные пункты во что бы то ни стало, а это означало, что могли сжечь поселения артиллерийским огнем или обычным пожаром, чтобы вынудить неприятеля уйти⁵³. Население со страхом ожидало военных действий: «Бабы хнычут: будет бой, все сожгут, потом придут красные, пограбят...»⁵⁴ Оказавшиеся в таком положении сельские общества направляли своих представителей обеим воюющим сторонам с просьбой «не жечь их». Иногда им шли навстречу, но во время наступления на Архангельск «напрасно жители Плесецкой умоляли не жечь их дома»⁵⁵.

Небогатое население северных деревушек само было не прочь заняться обеспечением за счет армий, проявляя интерес к трофеям. Брошенные позиции — в основном белые, где было чем поживиться не только в офицерских блиндажах, но и в солдатских окопах, — тотчас же обследовались осмелевшими окрестными жителями.

Военное имущество и запасы продовольствия отступающие части либо уничтожали, либо раздавали населению. Приходящий противник, считая это имущество своим трофеем, выискивал его и конфисковывал у новых владельцев. Вот воспоминания одного красноармейца: «...приехали в Сельцо — тут было много белогвардейских трофеев. Они были у крестьян, но те побоялись, и все вытащили на улицу. Целая гора ботинок на улице лежала. Приехали в Сию — тут были неприятельские склады, и мужики их растаскивали: кто на себе тащит, кто на лошади везет. Велели не растаскивать. Кто обратно притащил, а кто в поле побросал. Мы свои рубахи побросали и оделись во все английское. Потом пошли в лазарет спирта искать. Но это был не спирт. Шесть человек выпили по стаканчику и уснули», разбудить их уже не удалось⁵⁶.

Если белые при отступлении топили баржи с имуществом или жгли склады, крестьяне, дождавшись, когда уйдет последний солдат, бросались спасать хоть что-нибудь⁵⁷. Впрочем, и такое спасенное с риском для жизни имущество красноармейцы могли забрать как свои трофеи: «Белые, отступая, затопили баржу с мукой. Население не зевало и вылавливало, кто что мог. Дьякон 20 мешков выловил. Его трудами мы воспользовались и муку забрали»⁵⁸.

Красные при отступлении раздавали товары и продовольствие, собранные при реквизициях, «беднякам». Как правило, порядок в этом отношении население навело само, принуждая вернуть полученное на склады или законным владельцам⁵⁹.

Красное командование смотрело на подобные самоуправства неодобрительно. Так, легендарный командир красного горского отряда по прозвищу Хаджи-Мурат, который в Холмогорах велел раздеть пленных офицеров и отдал их одежду «рабочим», был за негуманное отношение к пленным и разбазаривание трофеев привлечен к суду, отделавшись, впрочем, только внушением.

Боевые действия в Архангельской губернии закончились в феврале 1920 г. Большинство белоармейцев в условиях продолжающейся Гражданской войны были мобилизованы в Красную армию. Белых партизан еще долго преследовали, пойманных подвергали суду и нередко расстрелу. Им не приходилось рассчитывать даже на помощь близких. Угрозами расстрела и полной конфискации тех принуждали к выдаче своих бывших защитников.

Когда все успокоилось, земляки — бывшие красные и белые — долго продолжали выяснять накаленные за время войны отношения. Память о событиях Гражданской войны до сих пор сохраняется у жителей северных деревень, и в советское время она часто не соответствовала официальной версии.

* Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917–1918 гг.»).

¹ Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

² Государственный архив Архангельской области, Отдел документов социально-политической истории (далее — ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 694. Л. 2.

³ Там же. Д. 324. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 175. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 648. Л. 5–11.

⁶ Внутренняя ситуация в Архангельской губернии в 1917–1919 гг. подробно рассмотрена в указанной выше монографии (Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»...); а также в ряде наших работ, напр.: Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на европейском севере России (первая четверть XX века). Архангельск, 2011.

⁷ Никулин А. Это было на Пинеге: воспоминания. Архангельск, 1968. С. 57.

⁸ Пирогов М. С. Борьба в Мехренге // Воспоминания о борьбе за Советы и Гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде. 1917–1920. Архангельск, 1928. С. 49; ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 434 (Воспоминания М. С. Пирогова.)

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 9106. Оп. 1. Д. 3. Л. 17, 18, 19, 45. — Об усилении хулиганства накануне революции как симптоматическом явлении см.: Астахов А. Б. Военные суды в Петроградском гарнизоне накануне Февральской революции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 5–15; Трошина Т. И. «Хулиганство» как индикатор нарастания социального напряжения накануне Революции (по материалам Архангельской губернии) // 1917 год в российской провинции: сб. научных статей. Пенза, 2017. С. 239–242.

¹⁰ РГВИА. Ф. 9106. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

¹¹ Там же. Л. 60.

¹² Кетлинский К. Ф. Состояние Мурманской железной дороги к октябрю 1917 г.: доклад // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: сб. воспоминаний и документов. Мурманск, 2006. С. 24.

¹³ Варнек П. А. Русский Север в Первую мировую войну // Морские записки [Нью-Йорк]. 1950. Вып. 8, № 2. С. 23–39.

- ¹⁴ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф.р-2106. Оп. 1. Д. 19. Л. 57.
- ¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 10. Л. 13 об., 14.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 9106. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
- ¹⁹ Там же. Л. 39, 42.
- ²⁰ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 10. Л. 43 об.
- ²¹ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее — ВОАНПИ). Ф. 1332. Оп. 3. Д. 142. Л. 19–22.
- ²² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 425. Л. 2.
- ²³ Там же. Л. 2–3.
- ²⁴ Там же. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Д. 175. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 269. Л. 4; ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 8–14; ВОАНПИ. Ф. 3837. Оп. 1. Д. 45. Л. 9–11.
- ²⁷ Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-17697. Л. 21.
- ²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 70. Оп. 3. Д. 810. Л. 17–18.
- ²⁹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 252. Л. 5–9.
- ³⁰ Наша война. 1919. 25 февр.
- ³¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 648. Л. 17.
- ³² Там же. Д. 116. Л. 7.
- ³³ Там же. Д. 721. Л. 8 об.
- ³⁴ ГААО. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.
- ³⁵ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 651. Л. 25.
- ³⁶ ГААО. Ф. р-353. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
- ³⁷ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 226. Л. 15.
- ³⁸ Там же. Д. 398. Л. 2.
- ³⁹ Подробнее см.: *Трошина Т. И.* Пинежские «валеть». Восстание перевертышей в ноябре 1919 года // *Родина*. 2011. № 2. С. 93–97.
- ⁴⁰ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 412. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Д. 287. Л. 7.
- ⁴² ГАРФ. Ф. р-6003. Оп. 1. Д. 24. Л. 95.
- ⁴³ Там же. Л. 68.
- ⁴⁴ Там же. Л. 114.
- ⁴⁵ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 284. Л. 82. (*Кузьмин Н.* Пути нашей победы // *Наша война*. 1919. 10 июля).
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
- ⁴⁷ Там же. Л. 58.
- ⁴⁸ ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 404. Л. 2.
- ⁴⁹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 313. Л. 11.
- ⁵⁰ Там же. Д. 226. Л. 41.
- ⁵¹ Там же. Д. 131. Л. 1.
- ⁵² Там же. Д. 651. Л. 9.
- ⁵³ Там же. Д. 249. Л. 4.
- ⁵⁴ Там же. Д. 721. Л. 15.
- ⁵⁵ Там же. Д. 694. Л. 38.
- ⁵⁶ Там же. Д. 651. Л. 24.
- ⁵⁷ Там же. Д. 694. Л. 2.
- ⁵⁸ Там же. Д. 412. Л. 22.
- ⁵⁹ Там же. Д. 721. Л. 14.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Трошина Т. И. Какую армию следует кормить во время Гражданской войны? (отношение населения Архангельской губернии к белым и красным) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 469–486.
УДК 94(47).084.3

Аннотация: В статье на большом количестве архивных документов и неопубликованных воспоминаниях показана ситуация, в которой оказалось невоюющее население Архангельской губернии, чьи поселения в период Гражданской войны переходили из рук в руки. Европейский север России — обширная, но слабозаселенная территория с плохо налаженной транспортной системой. Это создавало сложности для двух противодействующих армий (белой и красной) как в плане недостаточных мобилизационных ресурсов, так и в отношении обеспечения армий. Местное население занималось промыслами, уходило на заработки в города. Данные возможности во время войны были утрачены. При этом собственное сельское хозяйство не обеспечивало даже само население, а в условиях повсеместных военных действий приходилось предоставлять продовольствие, транспорт солдатам. Идеологическая составляющая была важной частью вооруженного гражданского противостояния, поэтому жесткие меры по отношению к местному населению не рисковали применять ни красные, ни белые. Более того, в интересах армий было оказывать помощь населению, что в первую очередь практиковали белые. Вместе с тем боевые действия, которые проводились небольшими мобильными отрядами, не позволяли осуществлять своевременное обеспечение солдат продовольствием, теплыми вещами. Все это реквизировали у крестьян и жителей небольших городков. Население, особенно удаленных и небольших деревень, опасаясь подобных набегов солдат, создавало отряды самообороны, которые придали здесь Гражданской войне особый колорит. Жители не могли обеспечивать продовольствием членов этих отрядов (военные власти называли их партизанами), и они поступали на службу в ту армию, которая контролировала данные деревни. При смене подразделениями дислокации (будь это отступление или наступление) такие партизаны уходили в леса и вливались уже в другую армию, занявшую их деревни. В статье особый акцент делается на взаимоотношениях невоюющего населения с находящимися на их земле солдатами, на формах приспособления к новым условиям жизни.

Ключевые слова: Северная Россия, Революция, 1917, Гражданская война, невоюющее население, самооборона, боевые части, террор.

Сведения об авторе: Трошина Т. И. — доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия); t.troshina@narfu.ru

FOR CITATION

Troshina T. I. 'Which Army Should the Population Feed during the Civil War? (The Attitude of the Population of the Arkhangelsk Province to the Whites and the Reds)', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018, pp. 469–486.

Abstract: In this article, on the basis of numerous archival documents and unpublished memoirs, a situation is shown in which the "non-belligerent" population of the Arkhangelsk province turned out to be. Their settlements during the civil war passed from one army to another, and both these armies were perceived by the population as "strangers". The European North of Russia is a vast but sparsely populated area with a poorly regulated transport system. This created difficulties for the two opposing armies (White and Red) both in terms of insufficient mobilization resources, and in relation to providing armies. The local population engaged in crafts, went to work in cities. These opportunities were lost during the war. At the same time, the own agriculture did not provide even the population itself, and in the conditions of widespread military operations it was necessary to provide the soldiers with food and transportation. The ideology was an important part of the armed civil confrontation, therefore neither of these armies used rigid measures of coercion against the local population. Moreover, it was in the interests of the armies to help the population, which was primarily practiced by the Whites. At the same time, the fighting that was conducted by small mobile detachments did not allow timely supply of soldiers with food, warm clothes. All this was requisitioned from peasants and residents of small towns. The population, especially remote

and small villages, feared such "raids" of soldiers. It created "self-defense units", which gave a special flavor to the civil war. The population could not provide food for their "partisans", and they entered the service in the army that controlled their village. With the retreat or offensive of the army, such "guerrillas" went into the woods and poured into another army that occupied their villages. The article focuses on the relationship between the non-belligerent population and the soldiers who came to their land, examines the forms of adaptation of the population to new living conditions.

Keywords: Northern Russia, Revolution, 1917, Civil War, Non-belligerent Population, Self-defense, Combatants, Terror.

Author: *Troshina T.I.* — Doctor of History, Professor, M.V. Lomonosov Northern Arctic Federal University (Arkhangelsk, Russia); t.troshina@narfu.ru

References:

Astakhov A.B. 'Voennye sudy v Petrogradskom garnizone nakanune Fevral'skoj revolyutsii', *Vestnik SAFU*, no. 6, 2017.

Varnek P.A. 'Russkij Sever v pervuyu mirovuyu vojnu', *Morskie zapiski*, Iss. 8, no. 2, 1950.

Novikova L.G. *Provintsial'naya "kontrevolyutsiya": Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya vojna na russkom Severe, 1917–1920* (Moscow, 2011)

Troshina T.I. *Dinamika i napravlennost' sotsial'nykh protsessov na evropejskom severe Rossii (pervaya chetvert' XX veka)* (Arkhangelsk, 2011).

Troshina T.I. 'Pinezhskie "valety". Vosstanie perevertyshej v noyabre 1919 goda', *Rodina*, no. 2, 2011.

Troshina T.I. "'Khuliganstvo" kak indikator narastaniya sotsialnogo napryazheniya nakanune Revolyutsii (po materialam Arkhangel'skoj gubernii)', *1917 god v rossijskoj provintsii* (Penza, 2017).